

Фэнцзинь послушно отозвался и выбежал вон. Когда он вернулся, неся на руках Цзиньли, обед уже закончился. Госпожа Хэ с Е Мяннем сидели на веранде баося во дворе и пили ледяную фруктовую воду. Стоявшие позади служанки дружно обмахивали их веерами. Е Мяннь поставил пиалу и забрал Цзиньли из рук Фэнцзиня.

— Старшая тетушка, погляди, вот это Цзиньли. Я назвал его Ван Сиси.

Госпожа Хэ прикрыла рот платком и рассмеялась:

— С чего это вдруг у него есть и имя, и фамилия?

— Подержи его, попробуй.

Госпожа Хэ, в отличие от других знатных дам, не побрезговала диким зверьком. С улыбкой протянув руки, она взяла его, но, заметив на шее Цзиньли бубенчик с жемчужинами, невольно присмотрелась. На улице уже смеркалось, и жемчужины по обе стороны от золотого бубенчика мерцали мягким зеленоватым светом.

Этот бубенчик прислал князь Жуннань, велел изготовить его на заказ. Он передал, что это подарок для Ван Сиси, и посоветовал Е Мянню не льстить себе. Е Мяннь лишь хмыкнул и в тот же вечер отправил в ответ благодарственное письмо от имени Цзиньли.

«Не смею отказаться от дара старшего».

Подпись: «Сяо Ван».

Госпожа Хэ посмотрела на эти две жемчужины, и сердце ее дрогнуло. Е Мяннь так просто взял и проделал в них дырочки, чтобы повесить на шею какому-то мелкому зверьку! Мысли госпожи Хэ смешались, и она потеряла былую уверенность: неужели их козыри действительно смогут растрогать госпожу Цю?

Е Мяннь в прекрасном настроении вернулся со своим Ван Сиси во двор Баофэн, а госпожа Хэ снова провела бессонную ночь.

Госпожа Цю сегодня тоже была так рассержена, что съела всего пару кусочков за ужином и приказала убрать со стола, совершенно не заботясь о том, что заместитель министра Е только-только взял в руки палочки.

Когда законная супруга, которая подарила ему сыновей, преданно заботилась о его матери и вела все домашнее хозяйство, не на шутку рассердилась, заместителю министра Е оставалось лишь беспомощно заискивать перед ней и виновато улыбаться.

— Что опять стряслось? — осторожно спросил заместитель министра Е. — Еда пришлась не по вкусу? Я велю поварам приготовить что-нибудь другое.

Госпожа Цю гневно сощурилась:

— Е Хэн, перестань притворяться! Разве ты не слышал, как няня Чжан сказала, что твой старший брат снова увел Мяннь-гэра в свой кабинет делать уроки? — Она указала пальцем на дверь. — Ступай и верни его! У моего Мяннь-эра вообще-то есть отец!

Заместитель министра Е со вздохом развел руками:

— Да если бы я не пытался...

После того как заместитель министра Е предложил своему старшему брату отдать Е Цзяо на усыновление в старшую ветвь семьи, те больше не заговаривали об этом, однако стали относиться к Е Мяню с еще большей теплотой и постоянно приглашали его к себе во двор поиграть.

Его старший брат долгое время служил чиновником в провинциях, поэтому повидал немало, а Е Мяню безумно нравилось слушать его рассказы о всяких диковинках. Каждый раз, когда госпожа Цю заставляла заместителя министра Е идти в кабинет брата за сыном, этот паршивец наотрез отказывался возвращаться. Он только вис на руке дяди, а тот ласково его успокаивал. В такие моменты родной отец чувствовал себя там абсолютно лишним.

Видеть это было крайне неприятно. Пару раз его вежливо выпроводили из кабинета, отчего на душе становилось совсем тошно. Но такими семейными делами с посторонними не поделишься, к тому же Е Цзин уехал по императорскому поручению в Чанчжоу. Заместителю министра Е оставалось лишь каждый вечер в одиночестве глушить тоску вином в своем кабинете.

Е Мянью, разумеется, понятия не имел о горестях своего родителя. Знай он о них, радовался бы еще больше.

В тот день, когда в академии пробил колокол на полуденный отдых, небо снаружи заволокло тучами. Сильный ветер кружил во дворе листья гинкго и швырял в окна мелкую морось.

Ли Чжао поцокал языком:

— Нельзя сейчас идти в столовую, промокнем до нитки и не вернемся.

Вэй Анъюань кивнул и велел прислужнику принести из столовой какую-нибудь легкую еду без резкого запаха.

Но Е Мянью не смел медлить. Князь Жуннань слов на ветер не бросал: опоздай Е Мянью на урок, и кто знает, какую каверзу тот устроит в отместку.

Пользуясь тем, что дождь пока не разошелся, Е Мянью раскрыл бумажный зонт, протянутый Моши, и выбежал на улицу. Не успел он пробежать и половины пути, как хлынул ливень. К счастью, корпуса академии соединялись крытыми галереями, так что под дождь он почти не попал. Но когда он добежал до двора Чжуан Сюя, его сапоги были безнадежно забрызганы грязью.

Стоявший у дверей евнух Ся картинно запричитал:

— Ох, батюшки, да как же еще один наш юный господин под таким дождем прибежал! — и тут же засыпал слуг приказаниями: — Живее, живее, уведите молодого господина Е, помогите ему переодеться и обсушиться!

Когда Е Мянью провели в комнату, Чжуан Сюй сидел на кушетке с закатанными штанинами. Кончики его волос еще были влажными от влаги, а несколько служек помогали ему парить ноги. Увидев вошедшего, Чжуан Сюй скользнул взглядом по его грязным сапогам и слегка кивнул стоявшему рядом служке.

Е Мянью опустился рядом с Чжуан Сюем. Служка опустился перед ним на колени, стянул сапоги, подвернул штанины и снял шелковые носки, пока другой слуга пробовал воду в деревянной лохани.

Е Мянью положил ноги на край таза и от скуки зашевелил пальцами.

Кожа на его ногах, почти не видевшая солнца, казалась белой и нежной. Изящный подъем стопы был очень красив, округлые пальцы выглядели аккуратно, а ногти, полупрозрачные, словно тонкие речные ракушки, отливали нежно-розовым цветом.

Чжуан Сюй на мгновение засмотрелся на них.

Е Мянью ткнул его локтем:

— Ты чего уставился?

Чжуан Сюй отвернулся и ничего не ответил.

Е Мянью не обратил на это внимания. Служка на полу тихо произнес:

— Молодой господин Е, вода готова.

Е Мянью опустил ноги в воду и зашипел от неожиданности:

— Ой, горячо!

Служка испугался и хотел было снова проверить воду рукой, но тут его господин сам опустил ногу прямо в таз к четвертомуускому молодому господину Е и фыркнул:

— И вовсе не горячо. Чего ты такой неженка?

Услышав шум, евнух Ся встревоженно вбежал в комнату и замер: эти двое сидели, опустив ноги в одну лохань, и вовсю брыкались. Вода из таза уже наполовину выплеснулась на пол, а слуги, не зная, то ли смеяться, то ли плакать, отступили подальше.

Евнух Ся со вздохом подошел ближе и принялся их разнимать:

— Стоило старому слуге отлучиться на минуту, как вы, двое неугомонных господ, снова устроили кавардак.

Е Мянью пересел напротив Чжуан Сюя, а двое служек принялись вытирать им ноги холщовыми полотенцами.

— Он первый меня пнул! — Е Мянью приподнял ногу и зашевелил пальцами, притворно охая. — Точно перелом. Старый евнух, ваш князь ведет себя слишком жестоко.

В последнее время Е Мянью бывал в этом дворе каждый день, поэтому евнух Ся относился к нему как к своему и не упускал случая поддержать шутливую беседу.

— Требуйте с него денег за увечье! — тонким голосом поддакнул евнух Ся. — Как только дождь утихнет, сразу позовем лекаря!

Е Мянью с торжеством взглянул на Чжуан Сюя, ожидая язвительного ответа, но тот лишь шевельнул губами и негромко произнес:

— Дай посмотрю.

Е Мянью опешил:

— На что смотреть?

Чжуан Сюй смерил его взглядом:

— Разве ты не сказал, что ногу повредил?

Е Мянью развеселился и, закинув ногу ему на бедро, поболтал пальцами, заранее подготовившись орать в три горла при любом прикосновении, чтобы страсти с него побольше. Однако Чжуан Сюй с бесстрастным лицом лишь долго разглядывал его стопу, а затем вдруг снял со своего запястья нитку красного коралла и повязал ему на щиколотку.

Бусины были небольшими, но ярко-красными, точно кровь. Обернутая в три ряда вокруг белоснежной щиколотки Е Мянью, эта нить выглядела вызывающе ярко.

Е Мянью остолбенел и повернулся к евноху Ся, стоявшему рядом с Чжуан Сюем. Тот вытянул шею, охнул, собираясь что-то сказать, но смолчал, выпрямился, и на его лице снова появилась привычная елейная улыбка.

Е Мянью поспешно попытался отнять ногу, чтобы снять украшение, но Чжуан Сюй крепко перехватил его лодыжку, не давая пошевелиться, и нахмурился:

— Это всего лишь коралл, ничего ценного. Каждый раз, когда я тебе что-то дарю, ты начинаешь отнекиваться. Скучно с тобой.

— Но...

Коралловые бусы и впрямь не представляли особой ценности, однако Е Мянью помнил, что Чжуан Сюй носил их не снимая. При первой встрече он даже удивился: вещи этого человека всегда были изысканными и редкими, наряды никогда не повторялись, так почему же эти копеечные бусы постоянно красуются у него на запястье? Позже Е Мянью подумал, что сам он носит на руке лишь простую разноцветную нить, а значит, и эти бусы для Чжуан Сюя наверняка имели какой-то особый смысл.

— Никаких «но», — перебил его Чжуан Сюй и снова слегка сжал его щиколотку. Затем он бесцеремонно спросил: — Лучше скажи мне, где мой подарок в честь признания учителем? Даже если ты не собираешься официально становиться моим учеником, я учу тебя уже давно. Где плата за уроки? Почему я ее не вижу?

Этот вопрос застал Е Мянью врасплох. Поразмыслив, он вынужден был признать, что Чжуан Сюй прав. Он занимался у него каллиграфией не так уж долго, но успехи делал заметные. Даже отец пару дней назад, увидев его работу, невиданное дело — похвалил его.

По правилам, поместье Е действительно должно было отправить подарок в знак признательности.

Е Мянью скривил губы:

— Преподнесу через несколько дней. Кто же сам выпрашивает подарки?

Чжуан Сюй опустил голову и своими длинными, точеными, точно нефрит, пальцами небрежно перебирал багряные бусины на щиколотке Е Мянью.

— Постарайся как следует. И не смей отделываться от меня какими-нибудь банальными

безделушками.

<http://bllate.org/book/18289/1753871>